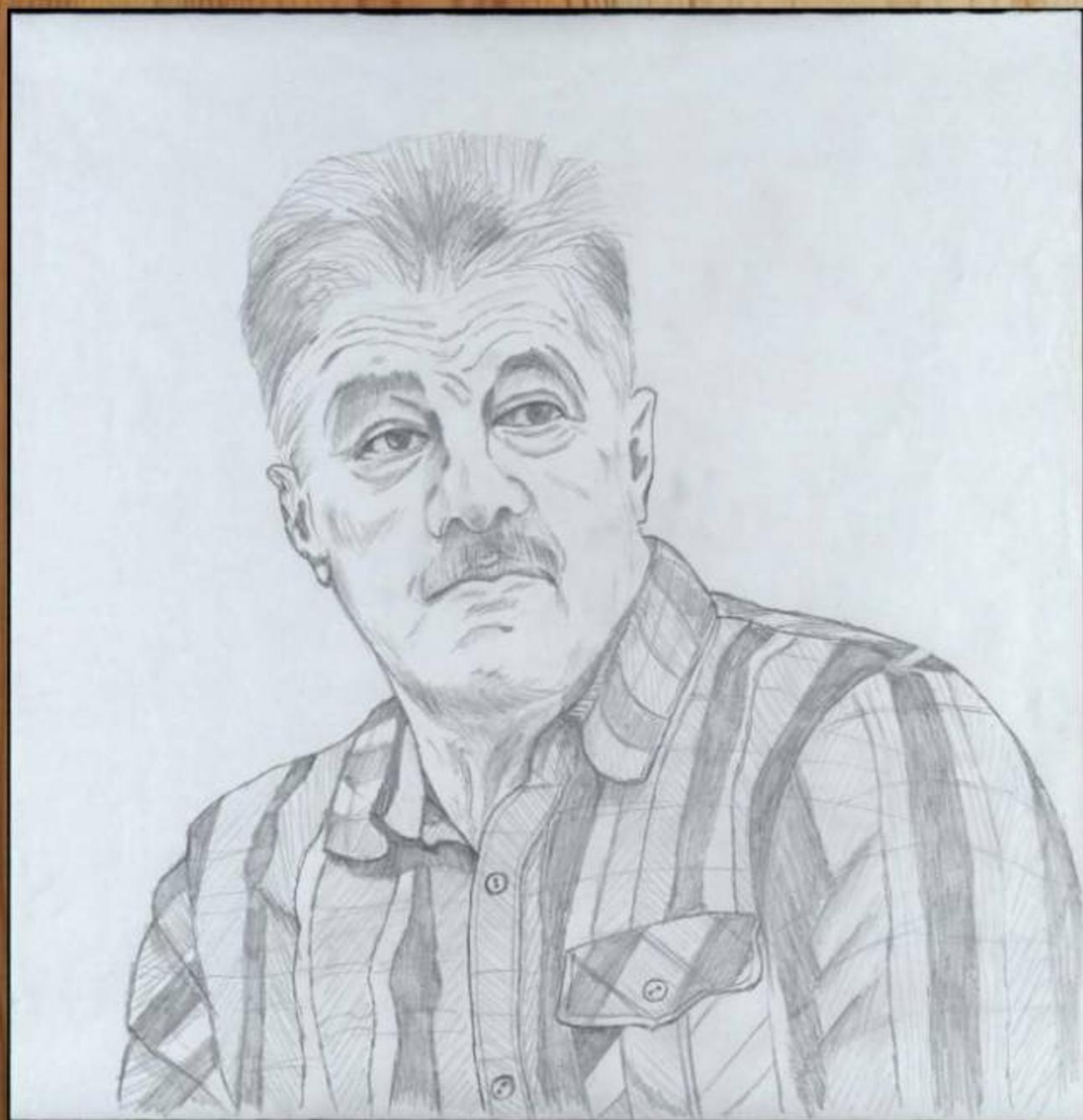

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ДВЕРЬ В ПРОШЛОЕ

Короткие рассказы

ТОМСК 2026

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Сергей Васильев
Дверь в прошлое

«Автор»

2026

Васильев С.

Дверь в прошлое / С. Васильев — «Автор», 2026

Эта книга для тех, кому интересна обычная жизнь обычных людей с её ежедневными вопросами, которые надо решать, оставаясь человеком.

© Васильев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОБ АВТОРЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
В РОДНОМ ГОРОДЕ	8
А ВОТ И Я!	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Васильев

Дверь в прошлое

ОБ АВТОРЕ

Сергей Петрович Васильев родился в 1959 году, в г. Асино, Томской области. После окончания школы в 1976 поступил в Томский педагогический институт и закончив его в 1980 году, больше никогда не расставался с любимым Томском. Здесь родились дети и внуки.

В Томске и Томском районе прошла вся трудовая и спортивная деятельность. Учитель, комсомольский работник, оперуполномоченный уголовного розыска, строитель, тренер по хоккею. Многократный чемпион области и областных сельских игр по хоккею и футболу.

Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России.

Победитель областного литературного конкурса «Слово» 2023-24 годов. За рукопись книги «Дверь в прошлое» получил Губернаторскую литературную премию 2025 года.

С 2012 по 2024 год вышли в свет пять сборников стихотворений.

Это первый сборник рассказов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сергей Васильев – человек стремительный.

Но и центробежный.

Из центра своего творческого Я – своей души – Сергей бежит сразу во все стороны: он хоккеист – зимой, футболист – в сезоны травы, автолюбитель, строитель, резчик по дереву, супруг, отец и дед, поэт, музыкант, автор – исполнитель песен на свои и чужие тексты.

А теперь – и прозаик, юморист и сказочник. С удовольствием прочла книгу, за которую он получил Губернаторскую премию в номинации «проза».

Разные герои гуляют по страницам книги – хоккеисты и работяги, оперá и хитроумные дурачки, англичане и бандиты, студенты и маньяки, санитары и директора заводов. Отдельным строем проходят герои СВО.

Сергей Петрович очень много выступает: перед студентами, школьниками, жителями сёл и городов.

Много разъезжает, представляя Томскую писательскую организацию и её издательские проекты: сборники стихов «Мы вместе», «Там, на Донбассе», «1945 -2025. Победа. Связь времён». Сам выступил организатором издательского проекта «Томские поэты – фронту», собрав и издав уже три маленьких фронтовых книжечки карманного формата для бойцов. Они называются «Снова Русь за мир в ответе», и почти весь тираж передаётся по линии «Народного фронта» туда, за ленточку.

Сергей ведёт литературное объединение «Заречье» в Кисловке, и это очень интересное творческое сообщество, выпустившее недавно новый сборник.

Первые рассказы, опирающиеся на недюжинный житейский опыт, начали писаться давно, и вот вылились в книгу. Она проста и безыскусна, вы не найдёте здесь изысканных литературных оборотов и заумных идей. Зато писана народным языком, есть в ней крепкая правда жизни, особенно дорогая нам, его современникам, сопоколенникам.

И правда эта особо полезна будет следующим поколениям. Тем, кто сможет выйти из игрового и информационного мёртвца и захочет взглянуть, каким был мир всего пару поколений назад. И тем историкам, кто будут изучать быт и нравы двадцатого и двадцать первого веков, пользуясь первоисточником.

Олег Петрович Кислицкий, скульптор, живописец и пародист, прочтя книгу, возмечтал, чтобы по ней был снят фильм «Любовь и голуби-2» и принялся вызванивать своего старинного друга, Народного артиста России Александра Яковлевича Михайлова, с целью продвинуть идею в трудящиеся кинопроизводственные массы.

А – что? Томичи – народ интересный, с ними всякое случается.

Пишите, Сергей Петрович! Обязательно пригодится!

Ольга Комарова, поэт, член Союза писателей России.

24.03.2026.

В РОДНОМ ГОРОДЕ

2023 год, апрель. Прекрасный солнечный день сочетается с моим настроением: мы с женой едем в мой родной город, который я оставил 47 лет назад. Уехал учиться в институт и больше не вернулся. Да, я приезжаю туда один-два раза в год. Но сегодня, сегодня я еду на творческий вечер, свой творческий вечер! Предстоит встреча с читателями в центральной библиотеке города. В городской печати есть объявление о предстоящем моем выступлении. Я позвонил своим родственникам, друзьям, пригласил их на эту встречу. Уже 12 лет выходят книжки с моими стихами, и печатаются они в поэтических сборниках в Томске, Кемерове, Москве, и вышло уже больше десяти книг.

Машина легко катится по отлично сработанному асфальту. Разве раньше кто-нибудь мог представить себе, что дорога из областного центра до моего городка будет такого качества! Были бы живы мои родные, они тоже порадовались бы сейчас, увидев, как меняется всё вокруг. А как бы они радовались, что «в наш город приезжает поэт и исполнитель своих песен» (так указано в объявлении). И этот самый поэт — их сын и брат!

Воспоминания о родных, которых уже давно нет рядом со мной, отвлекли меня настолько, что я не заметил, как проехал большую часть пути. Даже волнение, всегда присутствующее перед выступлениями, немного развеялось. Мы въехали в город, город моего детства, о котором я написал в стихотворении:

*Городок не настолько прекрасен,
Чтоб ему дифирамбы петь.
Но это моё любимое Асино,
И родней мне уже не иметь!*

Весеннее солнце, остатки таящего на газонах снега, лужи на асфальте с отражением голубого неба — всё это создавало в моей душе настроение праздника, торжества. Приняли нас очень тепло, на встречу пришли мои одноклассники, друзья, родня, даже моя учительница. Это был настоящий праздник, из которого не хотелось выходить! Жалко, что этого не видят мои папа, мама, брат и сестра.

Я выходил из библиотеки с цветами, подарками и выпрыгивающим из груди сердцем!

Рядом с библиотекой, как и во времена моего детства, стоит всё та же гостиница. Я вспомнил, как лет сорок назад, когда мне было лет 25, приехал на футбольный турнир в составе томской команды. И жили мы в этой гостинице три дня. После каждого отыгранного дня садились за стол, выпивали, вели разговоры до полуночи. В команде всегда весело, и время не проходит — оно пролетает. Пролетели и эти три дня, и я за пару часов до отъезда заглянул домой. Мой дом был в пяти остановках от центра города. Я вошел в дом, мама обрадовалась, сказала, что сейчас соберет на стол. Спросила, что же я не предупредил, что приеду.

— Мам, да не собирай ничего, нас только недавно покормили в ресторане. Мы три дня уже здесь играем в футбол, турнир выиграли, через час едем обратно в Томск, — бодро ответил я, зная, что мама всегда рада моим спортивным победам.

— Как три дня? Ты здесь уже три дня, и не нашел времени прийти домой?

— Мам, да я же с командой, — как-то нелепо попытался я оправдаться.

Мама замолчала и стала собирать в сумку продукты для моей семьи, давно приготовленные гостинцы для внучки.

А мне теперь кажется, что через сорок лет я увидел слезы на глазах мамы.

Мы ехали домой с моего творческого вечера, на котором, к сожалению, не было моих самых близких людей: папы, мамы, сестры и брата. Их уже давно нет, людей, о которых с годами я всё чаще вспоминаю. И всё сильнее люблю!

А ВОТ И Я!

Весна в городе — это необыкновенное состояние, а уж весна в студенческом Томске, где каждый пятый или шестой житель — студент... Чтобы почувствовать это, нужно провести несколько семестров среди свободных душой, не обременённых домашними заботами, готовых хоть завтра сдать любой экзамен (только дайте ночь на подготовку), беззаботных, веселых, отчаянных людей. Именно такими мы были в 70-е годы прошлого столетия.

Весна 197... года, а точнее 8 Марта. В общежитии пединститута, где проживают филологи, биологи, лингвисты, — настоящий народный праздник. Весь студенческий народ проходит через вахту с цветами, подарками, закуской, а то, что будут закусывать, спрятано, замаскировано или занесено в комнаты заранее. В общем, идут поздравлять девчонок с праздником весны и любви парни из других общежитий, других институтов и университета (а он один в городе — университет). И, конечно, бравые ребята в серых шинелях с буквой «К» на малиновых и чёрных погонах.

Общежитие спортфака находилось в ста метрах от волнующего души парней дома, в котором проживала лучшая и прекрасная половина Педагогического института.

Лёха и трое его друзей пересекли заводской стадион по кратчайшему пути и вошли в «святая святых» — охраняемое вахтершей бабой Шурой здание послевоенной постройки, с широкими круговыми лестницами, высоченными потолками и огромными окнами. Все четверо были приглашены в гостеприимную комнату биологов. Лёха выдернул из общего букета одну гвоздичку и поздравил бабу Шуру с Международным женским днём. Хозяйка вахты застенчиво улыбнулась, чтобы не показать отсутствие большого количества зубов:

— Смотри, раздаришь всё, девчонкам не достанется.

— Ничего, баб Шур, найдем, что им подарить.

— Только смотрите, сегодня вход до девяти вечера, а в одиннадцать- все на выход.

Парни дружно прошагали на второй этаж. Праздник весны уже был в разгаре. На всех этажах играла музыка, в комнатах смеялись, пели, закусывали и даже целовались. В коридоре уже появился запах сигаретного дыма. Праздник — это не рабочий день, пролетает быстро.

За окном уже было темно, половина девятого. Лёха и его друзья поняли, что закуски на столе гораздо больше, чем напитков, а до одиннадцати ещё времени много. Один из друзей ходил в эту комнату уже в статусе жениха, две пары только начинали дружить, у Лёхи на этот вечер была полная неопределенность. И он вызвался сбежать в своё общежитие за «добавочным пайком», там оставалось две бутылки вина.

Лёха оделся и пошел по кратчайшему пути. Вроде, и спешить некуда, но и вечер-то проходит. Он пришёл в свою комнату, взял вино, а когда пошел обратно, понял, что две по 0,7 в карманах нести неудобно, и видно. Баба Шура хоть человек свой, но как вахтер очень строгая, может не пропустить. Лёха вернулся, переоделся в другую куртку с тугим поясом, положил бутылки за пазуху. И руки свободны, и не видно поклажи. Довольный, побежал обратно.

На крыльце соседнего общежития Лёха увидел возмущённых парней. Они сказали, что в общагу уже не пускают, хотя ещё без пяти девять. На вахте спорить бесполезно. Это Лёха уяснил за три года учёбы. Минут через двадцать опоздавший народ разошёлся восвояси, но у Лёхи-то там друзья и какая-никакая перспектива на вечер. Он заглянул через стеклянную дверь внутрь: баба Шура сидела за перегородкой вахты, перед ней на столе, в молочной бутылке, стояла красная гвоздичка, подаренная Лёхой. Просто так не проскочить: баба Шура его узнает и тогда разгонит всю компанию раньше времени. И тут Лёха увидел перед входом пожарный щит, на нем — конусное красное пожарное ведро, а ещё Лёха вспомнил, что переодел куртку, и баба Шура его в этой одежде не видела. Он нахлобучил ведро на голову, резко распахнув входную дверь, пробежал мимо вахты на лестницу и рванул на второй этаж. Коридор

был длинный, а в конце его знакомый до боли голос коменданта общежития кого-то отчитывал за курение. Лёха, не снимая ведра с головы, ткнулся в первую попавшуюся дверь. Он заскочил в комнату, там было темно. Лёха наощупь нашел на двери защелку и закрылся. В коридоре уже слышался голос бабы Шуры:

— На третий он не побежал, он где-то здесь, на втором.

Лёха присел на край кровати, чтобы переждать переполох и потом пройти в «свою» комнату. Глаза уже стали привыкать к темноте, разглядел, что три кровати пустые. И в это время за его спиной раздался девичий голос:

— Кто тут?

— Тихо, я сейчас уйду.

Может, доброжелательный Лёхин голос не вызвал бы у хозяйки комнаты тревоги, не раздайся он из-под ведра, которое Лёха до сих пор держал над головой. А она смотрела на силуэт с огромным конусом вместо головы и готова была закричать. Но в этот момент в дверь начали стучать и требовать открыть. Хозяйка уже начала всхлипывать:

— Меня же выгонят из общежития, уходи!

Лёха влип. Но спортфак просто так не сдаётся! Лёха вытащил бутылки из-под куртки и сунул их под свободную кровать. Прошел к двери, открыл и выслушал всё о том, как обнаглели эти спортсмены. И, чтобы не обострять ситуацию, быстро выскочил из общежития. Ведро оставил на входе. Но поставленной цели решил добиться. Он обошёл вокруг неприступной крепости: под окнами лежал взъерошенный студенческими лопатами снег, из открытых окон лилась манящая музыка. Лёху осенило: окна открыты, а водосточная труба — это для кандидата в мастера спорта СССР по гимнастике та же лестница. Он перелез через разрыхлённый сугроб и через минуту стоял на выступе второго этажа. Цепляясь за архитектурные излишества 50-х годов, Лёха прошел до открытого окна, встал на оконный проем и со словами «а вот и я» привёл в состояние трезвости не только сидящую спиной к нему студентку биофака, но и целующего её курсанта-медика.

Спрыгивая с подоконника, студентка сильно толкнула от себя появившееся в оконном проёме чудовище. И Лёха, пролетев все четыре метра послевоенной постройки, удачно приснежился в сугроб. Гимнастические навыки не выветриваются. Лёха успел сделать группировку и упал не на спину. Все присутствующие в комнате кинулись к окну:

— Ты живой? Откуда ты взялся?

Лёха поднялся, отряхнулся, вроде, без повреждений.

В окне наверху его уже ждали гостеприимные руки курсантов-медиков и полстакана за знакомство. Даже предложили остаться с ними в компании. Лёха сказал, что его ждут свои ребята.

А встретили его вопросом:

— Ну, ты где пропал, принёс?

— Сейчас принесу, — Лёха снял куртку, выглянул в коридор, оценил обстановку и направился в комнату, где оставил вино.

Весна и лето блеснули, как фотовспышка. После сессии и каникул студенты четвертого курса спортфака, нарядные, с гитарой и баяном, «выкупили» невесту из соседнего общежития и укатили в ЗАГС. На вахте у бабы Шуры стояло целое пожарное ведро осенних сибирских цветов.

А Лёха с женой каждое 8 Марта вспоминают, как он ввалился в её комнату с пожарным ведром на голове.

КАБИНЕТ В РАЗРЕЗЕ

Два Юрия Петровича знали друг друга с такого раннего детства, когда ещё ни слова не могли говорить. Дома, в которых они росли, стояли друг напротив друга, на одной из улочек заводского поселка на окраине маленького сибирского городка. Расставались они за всю жизнь

пару раз, когда уходили служить в армию. А первые полтора десятка лет всё у них было общее: учёба в одной школе, футбол, лыжи, лапта, рыбалка и беззаботное советское детство. Было дело, и ссорились, и дрались, но дружба потому и крепнет с годами, что проходит «огни и воды».

Когда отслужили и вернулись домой в 1971 году, на местном лесозаводе появился новый цех по производству древесно-волоконистых плит — ДВП. Оборудование самое современное, импортное, из Польши и Швеции. Весь производственный процесс автоматизирован. По сути, завод в заводе. Народ шутил в то время: «Автоматика. Кнопку нажал — лопата выскочила».

И, конечно, друзья пошли работать в новый цех. Один стал слесарем по наладке оборудования, а другой — механиком, т.к. имел диплом техникума.

Шли годы. Многие друзья переделали на заводе. Польское оборудование оказалось слабо пригодным для круглосуточной многолетней эксплуатации, шведское было понадежнее. На одних только рационализаторских предложениях технически грамотные работники почти удваивали свою зарплату.

Завод работал, выдавал продукцию, работники набирались опыта. Один Юра оставался слесарем, другой Юра стал начальником цеха по производству ДВП. Но дружба, проверенная временем и декалитрами спиртных напитков, возвращала их в то самое детство, и были они друг другу двумя Юрками, а теперь — уже Петровичами.

И вот в один по-настоящему прекрасный солнечный летний день два Петровича ненадолго решили оставить производство. Решили-то ещё с утра, и, не дожидаясь обеденного перерыва, удалились на берег реки. Километрах в двух от завода протекала речка с удивительно гостеприимными берегами. А друзья здесь выросли и знали каждый уютный уголок во всей округе. При наличии хорошей закуски три-четыре часа на берегу, с детства знакомом до каждой травинки, пролетели очень быстро и незаметно.

Солнце уже начинало прогревать западную сторону кирпично-бетонной стены цеха, когда громыхнул жуткий взрыв. Все работники выскочили из корпуса на улицу и побежали в сторону предполагаемого места происшествия. На месте двухэтажной кирпичной пристройки было красно-серое облако пыли, огромная груда кирпича и обломков мебели. На основной стене цеха, на уровне второго этажа, была дверь в кабинет начальника. Сам кабинет отсутствовал, рядом с дверью болтались рамки с технологическими чертежами и вешалка для одежды. На место взрыва прибыли все аварийные службы и прибежали практически все работники соседних цехов лесопромышленного комбината во главе с генеральным директором и главным инженером. Как положено в таких ситуациях, была сделана переключка по табелю рабочего дня. Не откликнулись двое — два Юрия Петровича, слесарь и начальник.

Службы приступили к разбору завалов. Генеральному директору доложили причину ЧП. Произошел взрыв аккумулятора Рутса (металлическая емкость высотой более 3-х метров для накопления пара под высоким давлением), который находился на первом этаже, под кабинетом начальника цеха. Все искали среди обломков следы присутствия начальника цеха и слесаря. Перед взрывом в цехе их никто не видел. Генеральный приказал главному инженеру собрать всех главных специалистов на срочное совещание. В случае трагического исхода каждый из них должен был понести суровое наказание. И в это время за спиной генерального директора раздался голос начальника цеха ДВП:

— Юра, я первый раз вижу свой кабинет в разрезе.

Эти слова прозвучали сильнее, чем сам взрыв. Все разом обернулись и увидели двоих Юриев Петровичей — оба еле стояли на ногах.

Генеральный, не стесняясь слёз, кинулся к ним, обнял обоих: «Живы, слава Богу!» А через пару секунд: «Ну, суки, я вас убью! Увезите их домой, завтра разберёмся».

Все остались на своих должностях. Из объяснительных записок начальника цеха и слесаря стало известно, что на аккумуляторе Рутса, в котором накапливается водяной пар, уста-

новлен клапан для сброса давления. А так как «клапан срабатывал на малых уровнях, происходил сброс давления и не достигалось необходимого производственного параметра», кто-то когда-то заварил электросваркой этот самый клапан. Так и работали, пока не произошло критическое повышение давления пара.

Генеральный директор посмотрел вслед отъезжающей машине:

— Это не кабинет вы сегодня увидели, а свою жизнь... в разрезе.

ДВЕРЬ В ПРОШЛОЕ

В декабре 2012 года мы с женой были в районном центре и зашли в магазин. Рядом были магазины, одетые в современные баннеры, с иллюминацией, с модными пластиковыми дверями и окнами. Но мы почему-то зашли именно в этот выдавший виды старый сельмаг.

Некрашенный последние лет двадцать, разошедшийся пол. Он усох настолько, что можно просунуть ладонь между половицами. И, глядя в эти щели, видишь землю, на которой этот пол уже лежит. Половицы моются регулярно и добросовестно. Но, учитывая возраст магазина и количество подошв и каблучков, побывавших здесь за последние лет пятьдесят, можно предположить, что каждая отдельная доска стала представлять из себя округлое подобие горбылька: края исчезли. Старая, когда-то модная отделка потолка — квадратиками ДВП. Не изменённые со дня постройки оконные и дверные блоки. На «родных» еще дверях кованые накладки для навесных замков. Крыльцо отсутствует по причине того, что пол внутри здания и асфальт на улице находятся на одном уровне. Настолько всё здание просело в землю. На оконных стеклах многолетние слои пластилина, истрескавшегося от солнца и времени. Отсутствуют привычные для таких домов большие круглые печи, окованные жёстью и крашенные краской-серебрянкой. Это единственный штрих цивилизации во всей картине остановившегося времени. Когда-то сюда провели водяное отопление! Выключатели и розетки имеют отлитый с рождения штамп, цена ... копеек. Лампочки ввернуты в патроны тех же лет выпуска.

И всё пространство от пола до потолка завешано одеждой, бельём, игрушками и прочей утварью китайского производства. Продавцы-односельчанки готовят обед на кухонном столе 1960-х лет изготовления.

Мне очень запал в душу этот дряхлый, изглоданный обувью, шваброй и временем деревянный пол. Мне сразу вспомнились магазины моего детства, они были точно такими, как этот старый уважаемый (по возрасту) магазин. Только тогда они, магазины, были моложе, а я был маленький.

Высокие витрины были заставлены пирамидами из консервных банок сгущённого молока, тушёной говядины и свинины, кильки в томатном соусе. Свитые в огромные спирали стопки шоколадных плиток «Аврора», «Сказки Пушкина», «Басни Крылова»... За спиной продавщицы были металлические крюки, на которых висели коляски Краковской колбасы и куски мяса. На самом верху стояли ряды бутылок водки «Московская», вермута или портвейна. Рядом с ними могли стоять коньяк и шампанское «Советское». Но эти напитки покупались крайне редко, да и мое детское внимание тогда устремлялось на стеклянные ячейки с ирисками, карамельками и, конечно, несравненными «Масками», «Кара-Кумами», «Метелицами». Завораживали своим видом красивые рифлёные бутылочки с сиропами. Но тогда я ещё не знал, что натуральные сиропы останутся только в моих детских воспоминаниях. Пока мама или папа выстаивали огромную ежедневную очередь за двумя булками хлеба, качество которого тоже осталось там, в далёком детстве, мы с пацанами и девчонками с соседних улиц носились около магазина. Нас никто не организовывал, но мы успевали устроить для себя развлечение в виде игры в прятки или в догоняшки. А когда родители выходили из магазина с плетённой из капроновых ниток сеткой - авоськой, я старался разглядеть в сетке свёрнутый из коричневой бумаги кулёчек, в нём могли лежать 150-200 граммов конфет. И если кулёчек там присутствовал, с мамой начинался «трудный» разговор на тему, где лучше есть конфеты: по дороге или дома. Заступался в таких случаях за меня папа, чем навлекал на себя привычный гнев мамы.

Не за мои конфеты, а за то, что у него за пазухой согревалась заветная, выпрошенная ещё там, в магазине, бутылка «Московской» за 2 рубля 87 копеек. Конфету свою я, конечно, получал, но разговор на «острую тему» у мамы с папой продолжался до самого дома. Зарплата родителей в те времена не превышала ста рублей в месяц. Наверное, потому и стояли на прилавках пирамиды тушёнки, сгущёнки, спирали шоколадных плиток...

Когда я вышел из сельского магазина, ещё раз посмотрел на фасад старого здания, по всей видимости, моего ровесника. Оно было украшено по карнизу незатейливой деревянной резьбой, а к резьбе я отношусь с особой теплотой. Тем более, что резьба эта была над дверью в моё детство.

СОБРАТЬ КАРТИНУ ПО КРУПИЦАМ

В книге «Воспоминания томского сыщика» полковник милиции Владимир Михайлович Миронер пишет:

«В конце 80-х годов, в период моей работы в должности заместителя и первого заместителя начальника УВД, Томск потрясла серия умышленных убийств с изнасилованием женщин. Было ясно, что действовал один и тот же маньяк, разъезжавший на автомашине. 3000 насильников, совершивших преступления за десятилетие в 80-х годах прошлого века, было проверено в ходе розыска Федоровского. Жестокий сценарий насилий и убийства трёх жертв и покушения на четвёртую, оставшуюся, к счастью, в живых, повторялся в основных деталях, только для расправы сексуальный маньяк использовал, кроме ножа, топор, домкрат, душил и пытался даже сжечь одну из убитых».

В середине 80-ых годов я работал оперуполномоченным уголовного розыска Томского РОВД.

Летом 1984 года на территории района было обнаружено тело убитой девушки. Голова трупа находилась в погасшем кострище, лицом вниз (пытались сжечь). Установить личность погибшей не представлялось возможным. На месте лица не осталось мягких тканей, сохранился фрагмент волос головы. Можно было определить цвет волос. На месте преступления были обнаружены следы автомобиля без чётких отпечатков протекторов. Но нашлась одна важная деталь: автомобиль наехал на маленький пенёк, и там сохранилась краска с днища автомобиля. Это был оранжевый сурик (им покрывали низы автомобилей, так называемый антикоррозийный слой) и немного зелёной краски кузова. Эксперты установили, что фрагменты краски могут принадлежать автомобилю «Жигули». Суриком в то время были покрыты днища, наверное, у половины владельцев.

На раскрытие преступления были брошены все силы УВД. Согласно плану розыскных мероприятий, мне досталась проверка журналов на Московском посту ГАИ. В те времена на каждом посту ГАИ в ночное время, с 23-00 до 06-00, водители отмечались в журнале, где были две графы: «из города», «в город». Ещё до работы в милиции я помогал своим друзьям, инспекторам ГАИ Виноградову Сергею, Бембелю Александру, делать такие записи в журналах. А теперь мне предстояло проверить эти журналы за прошедшие пару лет. Составить список лиц, неоднократно выезжавших за город в ночное время. То есть любителей «покататься ночью». Встречались записи, сделанные мною год-полтора назад. Список получился фамилий из сорока. В нём оказались и мои знакомые. К счастью, их причастность к преступлению не подтвердилась! Отрабатывали всех поимённо.

В это время «автомобильная» группа тщетно пыталась найти зелёные «Жигули» с оранжевым низом.

Из книги В. М. Миронера: «Выйти на его след практически почти удалось после первого же убийства, но его невольный заступник и родственник (они были женаты на сестрах), заместитель начальника ГАИ, помогал «шурицу» дважды перекрашивать автомашину, не перерегистрируя ее. Более того, он даже однажды вмешался в ход розыска, потребовав «оставить Федоровского в покое», вольно или невольно выдавал ему служебные тайны, помо-

гая тем самым преступнику избежать ответственности. Горько, что это грубое нарушение служебного долга оплачено несколькими жизнями безвинных девушек и женщин и принесло такие страдания им самим и их близким».

Машина на тот момент была уже другого цвета.

Эксперты-криминалисты у нас работали высококлассные. Прошу прощения у читателя за подробности, но это важно. Было принято решение отделить от черепа погибшей остатки мягких тканей (проще говоря, выварить голову) и направить в Москву для восстановления лица по костям черепа. Доставку головы в столичный институт осуществил старший оперуполномоченный уголовного розыска Томского РОВД старший лейтенант милиции Василий Терентьев. Он вернулся дней через 10 из Москвы с фотографиями, сделанными со слепка лица потерпевшей. По остаткам волос восстановили причёску.

...Из книги В. М. Миронера: «Публикация в областной газете «Красное знамя» сообщения милиции об очередной жертве, найденной в лесном массиве за посёлком Зональным, изнасилованной, зарезанной, с раздробленным черепом, переполнила чашу терпения людей. Пошли отклики, а с ними и самый главный — от женщины, оставшейся в живых, каким-то чудом отпущенной убийцей, которая обратилась в отдел уголовного розыска УВД».

Партийные власти в советское время не приветствовали обращений милиции к гражданам через средства массовой информации. А тут УВД опубликовало в областной газете фоторобот, сделанный в московском институте. Родители пропавшей девушки сразу признали на фото свою дочь. С такой точностью был выполнен слепок лица девушки!

Из книги В. М. Миронера: «Почти неделю шёл этот закрытый процесс в зале № 20 Томского областного суда. Страшные подробности преступлений томского «чикатило» Геннадия Федоровского леденят кровь у всякого, кто видел и слышал это. Правда, его причастность к убийству ещё как минимум семи юных женщин доказать так и не удалось. Уже судья Томского областного суда А. Н. Вайвод готовился приговорить маньяка к высшей мере наказания, как тот сам покончил с собой в следственном изоляторе».

По крупицам, по деталям, добытым каждым работником милиции, складывалась картина преступления, а значит, имя преступника неизбежно должно было проявиться.

Таким было моё и моих коллег участие в раскрытии этого страшного преступления.

А ГДЕ ЖЕ ПУЛЯ?

В книге Владимира Миронера «Воспоминания томского сыщика» я прочитал о раскрытии тяжкого преступления:

«Шла весна 1985 года. Житель поселка Дзержинского, что в 10 километрах от Томска, задержался у друзей и опоздал на рейсовый автобус. На остановке «Почта» он поймал такси и поехал в поселок. По пути в машину подсаели мужчина и женщина, которым нужно было ехать в Тимирязево. Когда приехали в поселок, между пассажиром и водителем вспыхнула ссора, так как клиент решил не оплачивать проезд. Водитель на повышенных тонах продолжал требовать расчет. Тогда пассажир неожиданно выхватил из-под куртки обрез и, выстрелив в водителя, скрылся...»

...на место преступления выехали работники уголовного розыска Сергей Думчев и Геннадий Исайкин. Путем опроса свидетелей, а преступление было совершено в светлое время суток, и показаний раненого водителя такси, удалось установить, что мужчина, ехавший в такси, знает стрелявшего, более того, является его родственником, пояснил, что стрелявший в таксиста Борисов, ранее неоднократно судимый, проживает в Томске по ул. Лазо. Уже поздно вечером С. Думчев и Г. Исайкин выехали по указанному адресу. Квартира, в которой жил Борисов, — малосемейка. Чтобы проникнуть в нее, не вызывая подозрений, пригласили на помощь соседа Борисова. Уразумев, что вместе с соседом к нему зашли и работники мили-

щи, Борисов пытался выстрелить в С. Думчева, но тот опередил, ранив преступника в ногу из табельного пистолета. Как позже установило следствие, обрез был заряжен».

Я, оперуполномоченный уголовного розыска, от начальника УГРО получил задание отправиться в медсанчасть №2 г. Томска и обеспечить охрану раненого особо опасного преступника. Находиться рядом с ним неотлучно! По прибытии в больницу я сменил сотрудника милиции, находившегося рядом с санитарной «каталкой», на которой лежал мужчина средних лет.

Я помог санитару доставить раненого в кабинет рентгена, вдвоём мы переложили его на стол и потом, после проведённых рентгенологом процедур, снова на каталку. Из рентгенкабинета мы повезли подопечного в операционную. Там наши действия повторились, только поместили раненого на операционный стол. Санитар предварительно снял с «больного» трусы, бросил их на каталку вместе с простынёй, которую мы выкатили в коридор. Пока шла операция по извлечению пули, мы решили перекурить в ближайшем туалете. Санитар мне рассказал, что пуля вошла рядом с анальным отверстием (а не в ногу, как в книге Миронера В. М.), но полковник мог не знать этих подробностей. Да это уже было для начальства и не важно. Главное, что преступление раскрыто, преступник задержан.

Только мы вернулись с перекура к операционной, оттуда вышел хирург и начал трясти простыню и трусы раненого. На пол упала пуля калибра 5,45 мм (на вооружение милиции накануне поступили пистолеты ПСМ такого калибра). Убойная сила калибра 5,45 была гораздо меньше, чем 9 мм, и имела способность «кувыркаться» в мышечной массе. Так и произошло в этом случае. Это уже рассказал хирург: когда делали рентгеновский снимок, пуля лежала в трусах. А когда хирург начал искать пулю в ягодице раненого, он её не обнаружил. Оказывается, пуля вошла в мягкую ткань на 4-5 см, «кувыркнулась» и в процессе транспортировки раненого выпала в трусы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.